

Очередной том сборника содержит разнообразные статьи, посвященные исследованию общих и конкретных проблем антропологии, нумизматики, сфрагистики, истории государственных учреждений. Заметное место в сборнике отведено русскому и советскому источниковедению. В ряде статей исследуются западноевропейские источники эпохи средневековья и нового времени.

Издание рассчитано на историков различных специальностей.

Редакционная коллегия:

А. И. КОПАЧЕВ, акад. **Д. С. ЛИХАЧЕВ**, **Н. Е. НОСОВ** (отв. редактор),
чл.-кор. АН СССР **В. И. РУТЕНБУРГ**, **В. Г. ЧЕРНУХА** (отв. секретарь),
чл.-кор. АН СССР **В. Л. ЯЦИЦ**

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ, т. IX

Утверждено к печати

*Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР
и Ленинградским отделением Археографической комиссии
при Отделении истории Академии наук СССР*

Редактор издательства Р. К. Павгле
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры М. А. Горилас и Т. В. Самаркина

ИБ № 8052

Сдано в набор 05.09.77. Подписано к печати 30.01.78. М-19631. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печ. л. 23—23
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25.48. Тираж 2300. Изд. № 6674. Тип. вак. № 627. Цена 5 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199104, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-й тип. издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 листов, д. 12

В $\frac{1060...11}{042(02)-78}$ 9-77

© Издательство «Наука», 1978 г.

М. Б. СВЕРДЛОВ

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В XII—XIII вв.

Русская дореволюционная историография накопила значительный опыт в изучении истории денег и денежного обращения в древней Руси. В исследованиях по письменным памятникам были определены древнерусские денежные единицы и их количественное соотношение. Положительное значение имела дискуссия о реальном содержании денег. Сторонники металлического обращения начали нумизматический анализ материала для определения фракций древнерусской денежной системы, а их противники выявили и приступили к изучению русских и иноземных источников, которые сообщали об использовании на Руси мехов в качестве денег.¹ Однако, как отметил еще в 1919 г. А. Е. Пресняков, альтернативная постановка в изучении проблемы и недостаток источников затрудняют ее решение. Он рассмотрел известия о деньгах в Русской Правде и летописях и пришел к выводу, что они сообщают о меховых и серебряных деньгах. А. Е. Пресняков призвал к изучению денежной терминологии с учетом хронологических и территориальных различий.²

В советский период изучением древнего русского денежного обращения занимались преимущественно нумизматы. Вероятно, постоянная работа с монетами и денежными слитками явилась причиной того, что нумизматы отрицали использование мехов. Вместе с тем они пришли к ценным наблюдениям при определении периодов использования на Руси различных видов монет,

¹ См.: Черепнин А. И. О гривневой денежной системе по древним кладям. М., 1900, с. 5—40; Трутовский В. К. Русские меховые монеты и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века. — Нумизмат. сборник, т. V, М., 1911; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 15—25.

² Протоколы заседаний нумизматического отделения Русского археологического общества. 52-е заседание, 11 октября 1919. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, № 453, л. 101 об.—102.

денежных слитков, составили топографии находок кладов, изучили их состав и т. д.

На основе нумизматических материалов Н. П. Бауер пришел к выводу, что в IX—начале XI в. на Руси использовались дирхемы, которые в начале второй четверти XI в. были смещены западноевропейскими монетами. В середине XII в. наступил безмонетный период, характеризующийся обращением серебряных слитков.³

Замечательным открытием явилась установленная Р. Р. Фасмером закономерность в изменении состава дирхемов в кладах, найденных на территории Восточной Европы.⁴ Это наблюдение легло в основу концепции древнерусского денежного обращения В. Л. Янина.

По его мнению, с конца VIII по конец X в. дирхемы на Руси стали реальным выражением денежных фракций. Различия в весе влияли на названия денежных единиц и их соотношение. С начала 20-х годов XI в. в русском денежном обращении приобрел значение западноевропейский денарий, а к середине XI в. дирхем полностью исчез в северной системе денежно-весовых единиц. В Южной Руси дирхем обращался до 60-х годов X в., и изучение южной системы денежно-весовых единиц в конце X—первой половине XIII в. основывается на материалах денежных слитков, древнерусских серебряников и весовых гирек. В XII в. начинается безмонетный период. Для него характерно широкое распространение денежных слитков, а для мелких денежных операций — стандартных товаро-денег: бус, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов. «Меховые ценности, — по словам В. Л. Янина, — могли выполнять временные функции денег, однако их изнашиваемость и отсюда отсутствие стандартизации были непреодолимым препятствием для их использования в качестве денег».⁵

Сторонником металлического денежного обращения выступил и П. Г. Спасский. Он поддержал стройную концепцию В. Л. Янина и сам предложил как товаро-деньги раковины каурн.⁶

В советской историографии неоднократно указывалось на возможность использования мехов в качестве эквивалента денег, что находило подтверждение в названии денежных единиц

³ Бауер Н. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Numismatik (Berlin), В. 39 (1929) и 40 (1930); Автореферат. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 235—241; Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. В кн.: Вспомогат. истор. дисциплины. М.—Л., 1937, с. 183—243.

⁴ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1933, № 6—7, с. 478.

⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . с. 79—189.

⁶ Спасский П. Г. 1) Из истории древнерусского товарообмена. — КСИИМК, 1958, вып. 82, с. 45—50; 2) Русская монетная система. Изд. 4. Л., 1970, с. 32—71.

в ряде известий письменных источников. Это в свою очередь предполагало сосуществование в денежном обращении меховых денег и серебра.⁷ Особое значение в подтверждении этой точки зрения сыграло введение в научный оборот сочинения Абу Хамида ал-Гарнати, который сообщал, что во время пребывания на Руси (1150—1153) он видел меховые деньги. Когда мех вытирали, шкурки продолжали использоваться в качестве денег после того как на них ставили княжеский штамп.⁸

Под влиянием новых материалов в значительной степени изменил свое мнение о древнерусской денежной системе В. Л. Янин. Он по-прежнему основную роль в денежном обращении IX—XI вв. отводил восточным и западноевропейским монетам и допускал в безмонетный период широкое распространение товар-денег. Вместе с тем он стал допускать использование мехов в качестве денег в промысловых пушных районах и на крупных международных рынках, как Новгород и Смоленск (ранее В. Л. Янин полагал, что «представление о русском ремесленнике, производящем продукт на продажу, а за допьюгами бегающем в соседний лес, несовместимо ни с каким здравым смыслом»⁹). Более того, учитывая известие ал-Гарнати, он допустил существование в безмонетный период вытертых шкурок болок как кратных денег, используемых для мельчайших расчетов.¹⁰

Таким образом, В. Л. Янин объединил сведения всех видов источников о деньгах на Руси в XII—XIII вв. Однако он не отметил использования мехов-денег в период обращения дирхема, хотя их признание было бы в данном случае последовательным

⁷ И е к л ю д о в В. М. О русских денежных слитках. — Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1945, с. 121—140; М а в р о д и и В. В. 1) Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 142—143; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 45—49; 3) В о с т р о в о в а П. Г. На истории денег и денежного обращения в России до XV в. Автореф. канд. диссертации. Л., 1949; С в е р д л о в М. Б. К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. (по мусульманским источникам). — Вестник ЛГУ, 1965, № 5, с. 132—136.

⁸ М о в г а й т А. Л. 1) Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествии в русские земли 1150—1153 гг. — История СССР, 1959, № 1, с. 175—179; 2) Рязанская земля. М., 1961, с. 319—324; Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971, с. 110—119.

⁹ Я н и н В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 187.

¹⁰ Я н и н В. Л. Деньги и денежные системы. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1. М., 1970, с. 317—324. — Иную хронологическую последовательность в использовании различных видов денег предпологал другой сторонник металлического денежного обращения — А. В. Орешников (Денежные знаки доингольской Руси. М., 1936, с. 18). Следует особо отметить призыв В. Л. Янина к комплексному изучению источников по истории денежного обращения на Руси, в том числе к анализу письменных источников (Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1973, № 3, с. 73—75).

развитием взгляда на меха как естественным всеобщим денежным эквивалентом в условиях Восточной Европы.

Комплексное изучение системы древнерусского денежного обращения вызвало возражение И. Ф. Котляра. По его мнению, теория «меховых» денег «не выдерживает серьезной критики»,¹¹ а известие ал-Гарпати неясно, поэтому он не рассматривает источники, сообщающие о меховых и кожаных доныгах. По словам И. Ф. Котляра, «с точки зрения княжеской власти, как нам кажется, вместо монет лучше использовать не связки шкурок, а товаро-доныги, которые по крайней мере обладали реальной стоимостью». ¹² В качестве товаро-денег он допускает стандартизованные товары: шиферные пряслица, бусины, брусочки соли (неясно, почему два последних вида товаров удовлетворяют И. Ф. Котляра как денежный стандарт, ведь надо учитывать большое разнообразие видов бусин и их стоимости, а также хрупкость соли как материала). Исходя из тезиса, что южнорусский рынок не принял западноевропейский деяррий (потому монетные клады после прекращения завоза дирхемов в начале XI в. нельзя точно датировать),¹³ а известия о монетах в русских письменных источниках есть на протяжении XII—XIII вв. (здесь объединены известия южных и северных источников), И. Ф. Котляр пришел к выводу, что дирхемы обращались в Южной Руси как основа мелкого денежного оборота еще в XII—XIII вв. Исходя из этого, он считает принцип датировки кладов по младшей монете для южнорусского региона несостоятельным.¹⁴ Совершенно очевидно, что главной причиной значительного различия мнений при изучении русской денежной системы безмонетного периода является большое разнообразие в приемах источниковедческого анализа. Поэтому существенное значение для решения данного вопроса приобретает оценка характера основных видов источников: восточных сочинений, русских письменных памятников и кладов, найденных на территории Руси XII—XIII вв.

Для определения древнерусской денежной системы безмонетного периода следует рассмотреть круг восточных известий X—XII вв., которые недвусмысленно сообщают об использовании у русов мехов в качестве денег. Это позволит выяснить предысторию денег, описанных Абу Хамидом ал-Гарпати, полнее раскрыть содержание этого сообщения. Здесь и далее под деньгами мы

¹¹ Котляр И. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения в древней Руси (XII—XIII вв.). — Вспомогат. истор. дисциплины, V. М., 1973, с. 155.

¹² Там же, с. 158.

¹³ Аналогичное мнение ранее высказал А. В. Орешников (Денежные знаки домонгольской Руси, с. 31).

¹⁴ Котляр И. Ф. 1) Еще раз о «безмонетном» периоде... с. 165; 2) Монетное обращение и денежный счет на территории Украины эпохи феодализма (VIII—XVIII вв.). Автореф. докт. диссертации. Киев, 1972, с. 25—33.

понимаем не случайный эквивалент в меновой торговле, а особый товар, стихийно выделившийся из других товаров в качестве всеобщего эквивалента.

В древнерусской денежной системе две фракции носят название мехов: веверица — белка и куна — куница. Это указывает на выделение мехов в качестве всеобщего эквивалента в торговле на больших пространствах леса и лесостепи, занятых восточными славянами. Первоначально потребительная стоимость этих мехов выдвинула их в качестве случайного эквивалента в примитивной меновой торговле. Различная стоимость мехов отражает различное количество труда, затраченное на поимку зверьков, и неравноценность материала (куница — более редкий зверь, ее труднее поймать, ее мех более прочный, поэтому куна дороже веверицы — белки). Вместе с тем широкое распространение в Восточной Европе белки и куницы, легкость, достаточная компактность и прочность мехов при редких торговых операциях VI—IX вв. позволили стать этим мехам всеобщим денежным эквивалентом.

О существовании подобной денежной системы у болгар писал арабский географ Ибн Русте (ок. 903 г.): ¹⁵ «Наиболее часто используемые деньги их — мех куницы. У них нет чеканеных денег. Куний мех заменяет им монеты». ¹⁶ Эти сведения получили арабы в результате непосредственных торговых контактов с булгарами.

Сведения об использовании мехов в качестве денег у русов содержатся в поздней компиляции Амина Рази (XVI в.): «Вместо денег у русов в обращении шкурки белок. Они ими совершают торговые сделки. Точно так же весы в тех местах не распространены. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки». ¹⁷ Еще более обстоятельные сведения о меховых деньгах русов у компилятора Наджиба Хамадани (XII в.): «У русов ходовая монета — шкурки белки [и] соболя без шерсти, [но] с хвостом, передними и задними лапами, когтями и головой. Если чего-нибудь недостает, то от этого шкурка становится бракованной. Их [эти деньги] оттуда вывозить нельзя — их отдают за товары. Весов там не имеют, но только определенные [стандартные] слитки [металла]». ¹⁸

На основании анализа окружающих эти известия текстов, сопоставления их с Мешхедской рукописью (наиболее полный список рассказа Ибн Фадлана о его путешествии к булгарам в 921—922 гг.), установления лаку в Мешхедской рукописи

¹⁵ Г р а ч к о в с к и й П. Ю. Арабская географическая литература. — Избр. сочинения, т. IV. М.—Л., 1957, с. 159.

¹⁶ Х о л ь с о н Д. А. Известия о хларах. . . славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. . . СПб., 1869, с. 24—25 (арабск. текст).

¹⁷ К о в а л е в с к и й А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 44.

¹⁸ Там же.

А. П. Ковалевский пришел к выводу, что у сообщений о деньгах Амиша Рази и Наджиба Хамадани, как и у других текстов, был общий источник — труд Ибн Фадлана.¹⁹

Принимая в основном мнение А. П. Ковалевского, мы считаем, что сообщения о деньгах русов Амиша Рази и Наджиба Хамадани относятся к разному времени. Текст Амиша Рази мог восходить к сочинению Ибн Фадлана. На это указывает свидетельство протографа об отсутствии у русов весов (весы и гирьки неизвестны в восточнославянских землях до X в.).²⁰ Вместе с тем сообщение об использовании в качестве денег шкурок белок соответствует более раннему этапу обращения мехов-денег и по содержанию аналогично известию Ибн Русте о деньгах болгар.

Наджиб Хамадани, используя сочинение Ибн Фадлана, интерпретировал более близкие к своему времени сведения о деньгах русов. Он пишет об определенных (стандартных) слитках металла, в которых легко узнаются денежные серебряные слитки — гривны. Гривенная денежная система сложилась в древней Руси в XI—XII вв.

Наджиб Хамадани сообщает о деньгах русов в виде шкурок белки и соболя (т. е. нонерицы и куны) без шерсти. П. Г. Спасский, ссылаясь на фальсификацию мехов в XV—XVI вв. посредством выдергивания полосков с целью скрыть сезон смерти зверька и на значение персидского слова «муш», означающее не только «волосы, шерсть, ворс», но и «волос», отнес известие Наджиба Хамадани к области товароведения.²¹ Однако при такой интерпретации оказывалось, «что у русов ходячая монета — шкурки белок и соболя без [отдельных] полосков». Таким образом, это сообщение относилось не к фальсификации товаров, а к описанию денег русов.

Дополнением и разъяснением к известию Наджиба Хамадани явилось опубликованное в 50-х годах сочинение Абу Хамда ал-Гарпата (середина XII в.), в котором сообщалось о деньгах русов: «Между собой они производят операции на старые шкуры белок, на которых нет шерсти, в которых нет никакой (другой) пользы и которые ни на что решительно не годятся. И когда эти шкуры головы белки и ее двух лап, то (эти шкуры) правильны. И каждые 18 шкурок в счете их идут за один дирхем. Они их укрепляют в пачку и называют джуки (?). За каждую шкурку из этих шкур дают краюху отличного хлеба, которая достаточна для сильного человека. На них же покупается все, как то: рабыни, отроки, золото, серебро, бобры (кундиз, купипы?) и другие товары. А если бы эти шкуры были в какой (другой) стране, то за тысячу их выюков не купить бы одного

¹⁹ Там же, с. 44—45, 151—156.

²⁰ И н и н В. М. Денежно-весовые системы. . . с. 171—181.

²¹ С п а с с к и й И. Г. Из истории древнерусского товароведения, с. 45—50.

зерни и не были бы они годны решительно ни на что. А когда (шкурки) испортятся в их домах, они везут их в полувьюках, в разрезанном виде, направляясь к некоему известному рынку, где есть люди, а перед ними ремесленники. Они передают им шкурки, и ремесленники приводят их в порядок на крепких веревках, каждые 18 шкурок в одну пачку. Сбоку веревки приделывается кусок черного свинца с изображением царя (царства, государства). За каждую печать берут по шкурке из этих шкурок, пока не припечатают всех. И никто не может отвергнуть их. На них продают и покупают».²²

Это недвусмысленное, хотя и не во всем ясное, сообщение Абу Хамида ал-Гарнати подтверждает известие Наджиба Хамадани об использовании в качестве денег вытершихся шкурок белки и разъясняет его утверждение, что эти деньги вывозить на страны нельзя. Оно содержит много важных подробностей, которые позволяют определить внешний вид и покупательную способность русских денег в середине XII в.²³

Эти данные хорошо дополняются известием великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви (ок. 1141—ок. 1209) о подобных деньгах русов. В поэме «Искандер-намэ», оконченной в 1203 г., Низами описал сражение Александра Македонского с русами, которые были, по его словам, замечательными отважными воинами. В этом поэтическом анахронизме он основывался, вероятно, на письменной традиции и народных преданиях о походах русов на Каспий и в Закавказье в X в. Однако в описании денег русов Низами использовал новые материалы, которые перекликаются с известиями Наджиба Хамадани и ал-Гарнати:

Цену меха узнав, царь промолвил: «На что же
Служат шкуры пои те, звать хотел бы и тоже?»
Соболиных и беличьих множество шкур
Царь узрел; был их цвет неприветливо бур.
Все облегли они, лет казалось им двести,
Но на лучшем они были сложены месте.
Шах взирал в удивленье: на что же, на что ж
Столько вытертых шкур и морщинистых кож?
«Неужели они, — он спросил, — для пошляка,
Иль, быть может, все это — жилица украшенья?»
Молвил рус: «Из потрепанных кож, государь,
Все рождается здесь, как рождалось и встарь;
Не смотри с удивленьем на шкуры сухие.
Это деньги, и деньги, о царь, неплохие.
Это жалкая петушь и ходу и ценна,

²² Перевод В. Ф. Милорского. — В кн.: Я и и и В. Л. Деньги и денежная система. . . , с. 323.

²³ Помимо указанных работ А. Л. Мопганта и В. Л. Яшина, см. библиографию и статью: С е р д л о в М. Б. К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. (по мусульманским источникам), с. 132—136. Там же см. обзор известии восточных источников о древнерусских меховых деньгах.

Самых мягких мехов драгоценней ош.
 Что ж, дивясь, обратился ко мне ты с вопрохом,
 Купишь все малой шкурки куском безволосым,
 Пусть меннет чеканку свою серебро,
 Там, где все, что прошло, мигом стало старо, —
 Шерсть ни на полос эта ни стала дешевле
 С той поры, как была в дело пушена древнее.
 Государь поразился: «Какая видна
 Здесь покорность веленьям! Безмерна она».²⁴

В этом описании недвусмысленно указывается на то, что 1) в качестве денег у русов использовались меха соболей (куниц) и белок, 2) меха-деньги по мере истирания не теряли в качестве денег своей стоимости, 3) вытертые кожи продолжали использоваться на денежном рынке, 4) государственная власть участвовала (Низами полагал — принуждала) в денежном обращении вытертых кож соболей (куниц) и белок.

Таким образом, названия денежных единиц и восточные источники позволяют проследить использование меховых денег на Руси в течение длительного времени. Первоначально в качестве всеобщего денежного эквивалента наряду с одинаковыми по форме и весу серебряными гривнами из товарного обращения выделялись шкурки белок и куниц, которые удовлетворяли потребностям денежного обращения в условиях малотоварного хозяйства лесной и лесостепной зоны в VI—IX вв.

В связи с быстрым развитием в X—XI вв. раннефеодальных общественных отношений, разделением труда, установленном рыночных связей деньги стали обращаться значительно быстрее, меха вытирались и теряли товарную стоимость. Поэтому в условиях отсутствия источников сырья драгоценных металлов, прекращения в конце X в. привоза дирхемов в результате кризиса восточного денежного обращения, провала краткой княжеской эмиссии монет в конце X—начале XI в. княжеская власть пошла на поддержку сложившейся меховой денежной системы и обеспечение вытертых мехов знаком государственной власти,²⁵ что возвращало шкурки в денежный оборот наряду с обращением новых мехов и решало проблему обеспечения денежного рынка, поскольку резервы белок и куниц не были безграничны. На продолжение использования мехов в качестве денег в XIII в. указывает известие Вальгельма де Рубрука, который был

²⁴ Низами Гинджени. Александр-наме, т. 1. Перевод К. Липскерова. Визу, 1953, с. 416.

²⁵ Следует отметить, что великокняжеская власть уже в конце X—начале XI в. выпускала деньги без реальной стоимости. В эмиссии серебряников этого времени лишь незначительный процент состоял из высокопробных монет, а 75 монет были пробы менее 500 до 300, т. е. фактически не были серебряными. Показательно, что только высокопробные серебряники вывозились за пределы Руси (Сотников М. П. Итоги изучения русских монет X—XI вв. в Государственном Эрмитаже. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 9).

в Южной Руси вскоре после татаро-монгольского нашествия.²⁶ Из эволюции обращения меховых денег следует, что система денежного рынка и мышление русского человека XII—XIII вв. были хорошо подготовлены давней традицией к использованию кож белок и куниц, подтвержденных в цене княжеской властью. Этим можно объяснить широкое использование в письменных источниках терминов «куна» и «венерица» — «векша» на протяжении XI—XIV вв. Вместе с тем в источниках не отразилось употребление в качестве фракций денежной системы пряслиц, бус, ракушек, брусков соли и не установлена их эквивалентность (например, 1 куна—2 пряслицам или 10 бусам, 1 венерица—1 ракушке и т. д.). Нельзя представить столь изощренное мышление древнерусских людей, когда покупатель покупал товар за 2 куны, и платил 4 пряслица, отсылал 20 бус и т. д. Это, впрочем, не означает, что в условиях нехватки денежных знаков различные предметы, обладающие потребительной стоимостью, не использовались в качестве товаров-денег.

Если принять во внимание обоснованность выделения в качестве всеобщего денежного эквивалента в условиях лесной и лесостепной зоны мехов куницы и белки, названия денежных единиц, целесообразность их использования в денежном обращении при возросшей товарности хозяйства и отсутствии источников сырья драгоценных металлов, то становится непонятным категорическое утверждение Н. Ф. Котляра, согласно которому «теория меховых денег» не выдерживает серьезной критики.²⁷ По его словам, «историческая наука скептически относится к рассказам многочисленных арабских путешественников, посещавших Европу в средневековье».²⁸ Это мнение противоречит давним научным традициям в русской и советской историографии, источниковедческой и исторической критике арабских источников по истории денежного обращения (Х. М. Френ, П. С. Савельев, В. Г. Тизенгаузен, Р. Р. Фасмер) и истории народов Восточной и Центральной Европы (Х. М. Френ, Ф. Ф. Шармуа, А. Я. Гаркави, Д. А. Хвольсон, В. Р. Розен, П. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд, А. П. Коваловский). Большой опыт по изучению этих тем накоплен в трудах западноевропейских ученых П. Маркварта, Т. Левницкого, П. Хрбека и др.

Не содержат источниковедческой и исторической критики источника вопросы Н. Ф. Котляра к сочинению ал-Гарпаты: «Кто и каким образом изготовлял эти истертые шкурки и какой смысл в подобной затее — избавлять от волос меха?», «кому была выгодна описанная . . . операция: plombирование истертых шкурок и возведение их тем самым в ранг денег?». Наоборот,

²⁶ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1910, с. 135; Трутовский В. К. Русские меховые ценности. . . , с. 464—465, прим. 4.

²⁷ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмолвном периоде». . . , с. 155.

²⁸ Там же, с. 156.

конкретный анализ восточных источников позволяет расширить круг сведений о денежном обращении на Руси в XII—XIII вв. и проследить закономерную эволюцию использования меховых денег в древнерусской денежной системе.

Другой группой известий, содержащих информацию о деньгах в «безмонетный период», являются сообщения русских письменных памятников, прежде всего летописей. Эти материалы давно находятся в поле зрения историков древнерусского денежного обращения, и если бы в них были конкретные данные о реальном содержании денежной системы XII—XIII вв., то эта тема не дискутировалась бы на протяжении полутора столетий. По мнению Н. Ф. Котляра, известия русских источников подвусмысленно свидетельствуют об использовании дирхемов в Южной Руси в XII—XIII вв., что побуждает еще раз вернуться к указанным им сведениям.

В Ипатьевской летописи под 1115 г. рассказывается о том, что во время перепесепя мошей Бориса и Глеба Владимир Мономах велел «серебренник метати людем, силно налегшим». Н. Ф. Котляр полагает, что кидалп «как п е - т о ходонье монеты рынка — не иначе как куфическое дирхемь». Значит, в начале XII в. металлическое денежное обращение было еще в употреблении в Южной Руси. Тем самым можно считать доказанным (разрядка наша, — М. С.), что куфическое дирхемье удержалось в древнерусском обращении более ста лет после того, как прекратился их приток с Востока.²⁹ Начав с догадки, автор повторяет эту мысль в виде установленного факта. Однако Н. Ф. Котляр не учел, что Владимир Мономах был князем не только в Южной Руси, но и в Смоленске. Он помогал новгородскому князю Глебу Святославичу, а став великим киевским князем в 1113 г., посадил в Новгороде своего сына Мстислава. В Северной и Западной Руси во второй половине XI—начале XII в. абсолютно преобладали западноевропейские монеты, которые использовались, вероятно, в качестве денег. Дом Мономаха породнился с королевскими династиями Англии, Швеции и Венгрии, так что денарии могли попасть в казну Владимира и путем непосредственных политических и династических связей. Наконец, в Южной Руси известны находки кладов и отдельных денариев.³⁰ Таким образом, нет оснований полагать, что под серебренниками, которые приказывал разбрасывать Мономах, следует понимать именно дирхемье, а не денарии. Из указанного сообщения можно сделать вывод только о том, что в сокровищнице Владимира Мономаха были серебряные монеты, но не более.

²⁹ Там же, с. 102.

³⁰ Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории древней Руси. — Труды Гос. Эрмитажа, т. IX. Л., 1967, с. 178—183, № 365—389; Котляр Н. Ф. Гривновий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971, с. 48.

Другие примеры Н. Ф. Котляра из Ипатьевской летописки (1015 и 1195 гг.) свидетельствуют лишь о том, что слово «куны» вряду с названием фракции денежной системы имело значение «деньги»,³¹ но ничего о реальном содержании «куны» эти известия не сообщают (число подобных примеров можно было бы увеличить). Приведя известное выражение «Слова о полку Игореве» «была бы чага по вогате, а кошей по резане», Н. Ф. Котляр замечает: «Мы склонны думать, что здесь имеются в виду металлические деньги: отборные кувические дирхемы и их фрагменты».³² Однако и в этом случае указаны только названия денежных единиц, но их реальное содержание (дирхемы, денарии или меховые деньги) неопределимо. В других примерах, относящихся к XIII в., приведены известия о кунях как денежных единицах, но также ничего не говорится о их реальном содержании. Н. Ф. Котляр и в этом случае приходит к выводу: «Мы склонны думать, что в обращении Юго-Западной Руси даже конца XIII в. оставались еще монеты».³³

Увлеченность автора мыслью о денежном обращении монет в XIII в. привела его в одном случае к полному, противоположному содержанию известия. Приведя сообщение летописца Переяславля Суздальского под 1213 г. о том, что новгородский князь Мстислав взял за чуди дань «серебра и золота, и кун», он комментирует его как сообщение «о двух основных видах платежных средств рыска: слитках драгоценного металла (гривнах) и кунях — монетах».³⁴ Однако здесь речь идет не о слитках и монетах, а о драгоценных металлах — золоте и серебре. Куня под категорию золота и серебра не попал. Следовательно, естественно предположить, что куня в этом случае — мех куницы.

В связи с тем что Н. Ф. Котляр каждое упоминание о кунях интерпретирует как сообщение о серебряных монетах, можно было бы указать сообщение Ипатьевской летописи под 1279 г. о «кунях» и «бели», меховое содержание которых становится ясным лишь благодаря подробной записи. Итвяги обращаются к князю Владимиру во время голода: «не помори нас, по перекури пи себе, пошли господню к нам житю свое продлять, а мы ради куням, чего восхочеть: воску ли, б е л и ли, бобров ли, ч е р н ы х л в к у н, с е р е б р а л ь м ы ради дамы».³⁵ Здесь

³¹ «И созвав люди, нача [Спотополк] дати онем корьана, а другим кунями, и раздан множество; «А мне [Роману Мстиславичу] любо ину» полость в тое место даси, либо кунями даси за нее, во что будет была».

³² Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде. . . , с. 162.

³³ Там же, с. 163. — См. о значении бели — белка и куна — куница в летописях как названий мехов — денежных единиц: Луккина Г. Н. Названия мехов и памятниках древнерусской письменности XI—XIV вв. — В кн.: Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975, с. 60—67.

³⁴ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде. . . , с. 164.

³⁵ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. М., 1962, столб. 879.

понятия «бель» и «куны» недвусмысленно противопоставлены серебру.

Предположению П. Ф. Котляра о широком распространении серебряных монет и их названии кунами в XII—XIII вв. противоречат и другие известия Ипатьевской летописи. Когда Владимир в 1151 г. потребовал от мничан откупа серебром, «они же не имеяхуть дати, чего у нихъ хотише; они же омлюче серебро изаушью и съ шиш, сливаюче же серебро, ляхуть Володимеру».³⁶

Из указанного следует, что известия русских письменных источников более определенно свидетельствуют об использовании в XII—XIII вв. в качестве денег гривен и мехов, белок — перериц и кун—куниц, и ничего не сообщают о монетах, тем более дирхемах, как всеобщем денежном эквиваленте.

В источниках XII—XIII вв. сообщается еще об одной денежной фракции — «ногатах». Этот термин восходит, как неоднократно отмечалось, к арабскому «накд» — наличная деньга, «звонкая монета». Он появился в древнерусском языке в период использования дирхемов в качестве денег в X в. и имел, вероятно, первоначальную форму «нагата». Как омоним он применялся, вероятно, не только к монетам, но и к целым шкуркам зверей с лапками, о которых сообщают восточные источники. В XII—XIII вв., когда монеты исчезли из обращения, вторичное значение термина в форме «ногата» стало основным.

Третьей группой источников для изучения денежного обращения в XII—XIII вв. являются денежные клады. Они наглядно свидетельствуют, что основной денежной единицей с серебряным содержанием в этот период была гривна, которая по весу и форме различалась в северной и южной зонах. С начала XI в., по данным денежных кладов, в северной зоне значительно увеличивается привоз западноевропейских монет — денариев, которые становятся там всеобщим денежным эквивалентом.³⁷ Вместе с тем состав кладов позволяет проследить прогрессирующее уменьшение числа кладов дирхемов со второй половины X в., что явилось отражением сокращения ввоза монет в Восточную Европу в результате кризиса восточного денежного обращения. Последний клад дирхемов датируется 1015 г. Начиная с 20-х годов XI в. количество найденных дирхемов по сравнению с западноевропейскими денариями в северной зоне денежного обращения неизменно сокращается и к концу XI в. сходит на нет, что свидетельствует об изыпании дирхемов из денежного обращения.³⁸ Исходя из того что в Южной Руси денарии не использовались на денежном рынке, П. Ф. Котляр подверг критико наблюдению о прекращении обращения дирхемов в Южной Руси в конце XI в.

³⁶ Там же, столб. 417.

³⁷ И н и В. Я. Денежно-весовые системы.

³⁸ Там же, с. 130, 152—153.

По его мнению, «никто до настоящего времени не провел верхнюю хронологическую границу этого явления, пусть даже приблизительно. Да это и невозможно сделать, поскольку между дирхемами и последующими монетами южнорусского рынка — пражскими грошами — лежит значительный промежуток времени. Ясно, что в подобных случаях несостоятельна датировка кладов по младшей монете, как обыкновенно делается в пумизматике».³⁹ Отметив, что замена дирхема денарпом в Северной Руси позволяет проследить «процесс выпадения дирхема из обращения», Н. Ф. Котляр делает предположение: «Вряд ли купфические дирхеми внезапно исчезли из обращения Южной Руси. Более логичным выглядит предположение, что процесс их исчезновения с рынка был постепенным, растянулся на много десятилетий и они находились в обращении еще длительное время после прекращения притока монетного серебра с Востока. . . Иначе говоря, процесс выпадения купфических дирхемов из обращения мог охватить не только XI, но и XII, быть может, и XIII в.»⁴⁰

На наш взгляд, мнение Н. Ф. Котляра могло сложиться лишь при абсолютном отрыве южнорусского денежного обращения от общих процессов, происходивших в древней Руси. Отвергнув важнейшее наблюдение покладам северо-востока и северо-запада Руси о постепенном, но неуклонном уменьшении количества дирхемов в кладах как общерусское явление, Н. Ф. Котляр пришел к предположению, согласно которому дирхеми в Южной Руси на протяжении XI—XIII вв. пользовались в качестве денег. Это противоречит общезвестному факту, что во все периоды завоза дирхемов на Русь число кладов и абсолютное число дирхемов в Южной Руси было меньше, чем на северо-западе и северо-востоке. Уже это может дать сравнительный материал при определении насыщенности дирхемами денежного рынка Южной и Северной Руси.

Отвергнув принцип датировки кладов по младшей монете, Н. Ф. Котляр поставил под вопрос основные достижения в установлении периодизации кладов в Восточной Европе и закономерностей изменения их состава,⁴¹ вернув датировку кладов к субъективности оценок в работах XIX в. Научная обоснованность датировки кладов по младшей монете была доказана при атрибуции древнерусских серебряников Владимира. Этот принцип наряду с определением состава кладов явился основным аргументом Н. П. Бауера при отнесении этих монет Владимиру Свято-славичу.⁴² В дальнейшем эта атрибуция была блестяще под-

³⁹ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде. . ., с. 165.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Иппин В. Л. Денежно-весовые системы. . ., с. 58—71.

⁴² Бауер Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. — Изв. ГАИМГ, 1927, т. V, с. 296—318.

тверждепа, тогда как А. В. Орешников, возражавший против датировки клада по младшей монете, ошибался, относя сребронки Владимира к последней четверти XI—началу XII в.⁴³

Утверждая, что нет материалов, датирующих южнорусские клады XI—XIII вв., Н. Ф. Котляр оставил в стороне массовый материал денежно-вещевых и вещевых кладов. Между тем они позволяют определить время распространения дирхемов на Руси после X в. (далее указаны только южнорусские клады, поскольку, по мнению Н. Ф. Котляра, Южная Русь была особой зоной распространения дирхемов в XI—XIII вв.).

В 6 вещевых кладах X—рубежа X—XI вв. из 10 находились дирхемы.⁴⁴ Из 15 южнорусских вещевых кладов XI—рубежа XI—XII вв. только один содержал дирхемы начала X в.⁴⁵ Во всех кладах, южнорусских и севернорусских, датируемых 70-ми годами XII в. — 1240 гг., а их, по подсчетам Г. Ф. Кораухпой, 90, дирхемов и денариев не содержалось, хотя денежные слитки-гривны найдены в них в большом количестве.⁴⁶ Следовательно, предположение Н. Ф. Котляра о широком распространении дирхема в южнорусском денежном обращении XI—XIII вв. составом кладов не подтверждается. Методически неоправданной является также произвольная датировка кладов дирхемов XI—XIII вв., поскольку не доказана ошибочность определения клада по младшей монете.

Таким образом, рассмотренные три группы источников позволяют достаточно ясно представить систему денежного обращения на Руси XII—XIII вв. Для крупных денежных расчетов служили золотые и серебряные слитки — гривны, для более мелких — меха куниц и белок (куна, векша—веверица), которые возвращались по мере вытирания на денежный рынок при участии государственной власти вследствие отсутствия местных источников серебра. Завоз дирхемов и денариев прекратился, а серебряные монеты постепенно были изъяты из денежного обращения и перелиты в слитки — гривны и украшения. Привозные монеты перестали использоваться в качестве всеобщего денежного эквивалента, поэтому условное название «безмонетный период» достаточно точно отражает содержание денежной системы XII—XIII вв. на территории всех русских княжеств. Различные группы источников — письменные памятники, восточные и русские, и клады — не противоречат, а подтверждают данные друг друга.

⁴³ Орешников А. 1) Рецензия. Н. Бауер. Древнерусский чекан... — *Seminarium Kondakovianum*, II. Прага, 1928, с. 365—366; 2) Денежные знаки домонгольской Руси, с. 31—32.

⁴⁴ Кораухпоя Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1934, с. 83—86, карта 2.

⁴⁵ Там же, с. 90—95, карта 3.

⁴⁶ Там же, с. 105—150, карта 4.